

Я не собирался извиняться. Я не мог этого вынести, особенно из-за моего опасения, что АНБУ может быть скомпрометирована. Какаши был единственным, кому можно было доверять, но даже он не помогал, что сильно влияло на мое восприятие его.

Его комментарий о травме должен был быть ложью. Он бы показал травму, чтобы доказать это.

— Возможно, было бы лучше, если бы я спросил у Югао, где ты находишься, — сказал я безжизненно, смирившись с ещё одним днём без Райтон.

Последовавшая неловкая тишина заставила меня почти почувствовать тошноту от тревоги, моя кожа буквально ползла от волнения.

— Ну, тебе повезло, — наконец сказал Какаши милостиво, подходя ко мне. — Я свободен на ближайшие несколько часов.

Я моргнул и посмотрел на него, удивленный этим.

Не говоря ни слова, я повернулся и пошёл к тренировочной площадке, где ранее тренировался с Югао, и Какаши последовал за мной.

Я думал, что у него проблемы с социальными навыками, но это уже было слишком.

Какаши подумал, что после того, как он дал Саске несколько указаний по молниеносному элементу и некоторым вещам, связанным с контролем чакры, которые Югао сказала, что Саске сможет понять, всё будет проще. Мальчик определённо был очень умён. Даже с недостаточной способностью Какаши разьяснять вещи, Саске смог понять большую часть из сказанного.

Но два часа их взаимодействия заставили Какаши задуматься о том, что он сообщил Сандайме во время отчета после завершения.

— Саске не проявляет ко мне никакого уважения.

Это было замечено учителями в академии, АНБУ и самим Какаши сегодня в отношении поведения Учиха Саске.

Что бы ни сделал Итачи, это, казалось, полностью убило любое чувство уважения или даже желания притворяться, что Саске уважает власть, когда он чувствовал себя оскорбленным. Он звучал почти апатично и прекращал злиться только тогда, когда оказывался неправ.

Конечно, Умино Ирука клялся, что Саске был вежливым, хотя и тихим мальчиком, который усердно учился и выполнял свою работу, прежде чем расслабиться.

Но это противоречило его поведению по отношению ко мне и Югао. Это имело мало смысла, если только...

Хмм, Саске не сильно отличается от Ируки по навыкам. Возможно, поэтому.

Не отсутствие уважения, а страх перед теми, кто сильнее его.

Эта теория казалась исключением только для Сандайме, который говорил, что Саске действительно проявлял уважение/страх перед ним.

Возможно, это применимо только к АНБУ, с которыми он говорил, потому что они напоминали ему об Итачи и он становился враждебным как защитный механизм.

Боже, упаси, если он увидит мой Шаринган, если он так чувствителен. Серебристоволосый мужчина поморщился, подумав об этом.

Но отсутствие извинений за злость было тревожным сигналом для Какаши.

Будучи честным, комментарий о травме был полуправдой. Какаши действительно был задержан травмой, но это было неделю назад. Он добровольно пошёл на другую миссию, чтобы избежать необходимости учить ребёнка базовым вещам, или, по крайней мере, что было для него базовым.

С последними событиями дня, которые были такими же неловкими и роботизированными, как и ожидал Какаши, он мог разумно объяснить свою просьбу держаться подальше от этого на некоторое время.

Какаши открыл холодильник и вытащил миску с остатками еды, готовясь разогреть её. Когда серебристоволосый мужчина бросил её в микроволновку, он подумал о том, что его настораживало: Саске знал о нём что-то.

То, что он привёл Наруко к мемориалу, можно было бы объяснить, но что-то не давало покоя Какаши в утверждении Саске, что его отец упомянул сереброволосого АНБУ, посещающего мемориал.

Югао сказала Саске, как он выглядит, но всё же. Ему не давало покоя то, что ребенок мог носить в себе столько гнева и льда, и из-за такой мелочи.

Он просто надеялся, что Саске не сломается под давлением, которое сам себе создавал. Бог знает, на что способен нестабильный Учиха.

— Сын шлюхи, — прошипел я, мои пальцы дергались, когда я ошибся в переходе чакры на молниеносный элемент.

Какаши был полезен лишь отчасти, но наши разговоры звучали откровенно странно. Он выглядел не в своей тарелке, старался не перескакивать с базовых на совершенно не базовые объяснения элементарного высвобождения, и моё уже короткое настроение делало трудным терпеть это.

В общем, ужасное начало взаимодействия с последним лояльным учеником Намиказе Минато и единственным человеком, который мог дать мне настоящие уроки на поле боя по Шарингану.

У меня было достаточно зашифрованных учебных журналов в библиотеке клана, чтобы знать, что делать для глазного Гендзюцу, объяснения, как попытаться избежать туннельного зрения, но ни одно из них не сравнится с реальными уроками.

Из всех людей, от которых мне нужна помощь. Я вздохнул, глядя на уже обгоревшую мишень и складывая руки в печати, чтобы выпустить ещё один огненный шар.

Огненный шар вырвался из моего рта и поразил мишень, эхом раздался громкий свист от перемещения воздуха, когда она была охвачена пламенем.

Пламя угасло, и, неудивительно, мишень была ещё больше обожжена. Сделав немного из того, что могло бы быть полезным, и не желая причинить себе боль от плохо выполненного техники молнии, я сложил три печати и сосредоточился на тенкетсу в пальцах, как учил меня Кабуто.

Тонкий слой чакры засветился вокруг моих пальцев, слабое лезвие, которое я мог видеть с Шаринганом, простирающееся на несколько дюймов.

Это не было особенно впечатляющим, но это был чакровый скальпель. Всё просто щелкнуло. Все остальные медицинские техники требовали тщательного изучения, но это было пугающе просто для меня, что было удивительно.

Повернувшись к кролику, которого я поймал с помощью ловушки час назад, я наклонился и открыл клетку, бедняга дрожал, не в силах сбежать.

Я разорвал нервы на его задних ногах всего несколько минут назад, но затем струсил и переключился на другую тренировку.

Красные глаза моего Шарингана отражались в его глазах, моя левая рука поднялась, когда я посмотрел прямо на то место, где находилось его сердце и правое лёгкое.

С мягким толчком я ударил его в грудь чакровым скальпелем, бедняга застыв и попытался вырваться, кровь хлынула из его рта, когда он издал громкий писк. Чёрт. Мои губы скривились от отвращения, и я снова ударил в то же место.

Это не убило его, но он перестал пытаться сбежать и издал влажный хрипящий звук, что вызвало у меня отвращение.

Третий удар убил его.

Моё дыхание стало слабым, когда я смотрел на мёртвого кролика, пытаюсь остановить дрожь в руках.

Это должно было убить его мгновенно, а не заставлять страдать.

Потребуется больше тренировок, чтобы заточить скальпель и сделать повреждения более точными. Я не был садистом, я не причинял ненужной боли ради собственной выгоды. Я не был Итачи.

Я поднял его и бросил в лес, зная, что кто-то получит бесплатный обед.

С этим неприятным моментом покончено, я продолжил свой дневной тренировочный режим, изматывая себя до предела, чтобы укрепить тело.